

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОСЕМИОЗИСА

(Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного грантом БелГУ (2007 г).)

Базовые понятия когнитивной семантики — «информация», «значение» и «смысл» — рассматриваются в их генетических и функциональных взаимоотношениях: информация преобразуется в значение, которое, в свою очередь, служит идеальным субстратом для дискурсивных смыслов, а последние — для эволюционной динамики первых. Когнитивно-прагматические этапы лингвосемиозиса сопряжены с биопсихическими механизмами знакообразования. Специфика языковых значений по характеру информационной связи между их субстратными сущностями (вещами, событиями и явлениями) — основа разграничения двух основных типов значений: языковых и дискурсивных, объективируемых знаками языка и знаками речи.

N. Alefirenko

COGNITIVE SEMANTICS IN THE ASPECT OF LINGUISTIC SEMIOSIS

Information, meaning, sense as the basic notions of cognitive semantics are regarded in their genetic and functional correlations. The information is transformed into the meaning which in its turn serves as an ideal substance for discursive senses while discursive senses serve for the evolutionary dynamics of meanings. Cognitive-and-Pragmatic stages of linguistic semiosis are connected with the biomental mechanisms of sign formation. The specificity of linguistic meanings by the nature of informational connection between their substratum substances (objects, events and phenomena) is a base of differentiation of two basic models of meanings as linguistic and discursive ones which are realized by the signs of language and the signs of speech.

Базовыми в когнитивной семантике являются понятия «информация», «значение» и «смысл». Однако, несмотря на свой статус, эти понятия разграничиваются крайне непоследовательно. Причиной тому — содержательное расширение первого термина. Если же под информа-

цией понимать только сведения, необходимые для деятельности человека в определенной ситуации, то «информация», «значение» и «смысл» — разные понятия. Поэтому было бы некорректно определять одно понятие через другое. Пожалуй, наиболее убедительные факты,

помогающие аргументировать такую позицию, дает известная теория условных рефлексов, согласно которой *любой раздражитель* (звонок, свет, запах пищи и т. д.) *несет определенную информацию, но значения не имеет*. Значение он приобретает, только став сигналом в условно-рефлекторной деятельности.

1. Информация и значение. Чтобы информация стала значением, ей необходимо приобрести *мотивационный* статус. Как он приобретает, можно показать на примере сказок о принцессе. Чаще всего их сюжет разворачивается вокруг исчезнувшей принцессы (или сказочной красавицы). Возникающая при этом знаковая ситуация имеет несложную структуру: обозначаемый предмет — *принцесса*, отличительные признаки места ее нахождения — *знак*, деятельность, направленная на ее поиск, — *значение*. Отсюда вытекает первый методологически значимый постулат: в результате замещения *причины* деятельности *знаком* последний приобретает *значение*. Поэтому значение по отношению к другим (*первичным*) явлениям человеческой деятельности является *вторичным* феноменом. В связи с этим можно выделить два уровня деятельности. На *первом этапе* деятельности определяются объективные свойства знака. Обычно его называют *познавательной-информационным* уровнем, где полученные сведения подчиняются общим законам современной теории информации. *Второй уровень* деятельности носит собственно речемыслительный характер, поскольку осуществляется при дискурсивном взаимодействии субъекта и объекта. Если на первом уровне извлекается необходимая *информация*, то на втором, глубинном, уровне формируется *значение*, которое выражается неким материальным предметом, преобразуя его в означающее знака (сигнал).

И н ф о р м а ц и я — понятие общей когнитивистики: сведения о фактах, событиях, процессах; данные, приходящие к человеку по разным каналам и обрабатываемые в текущем сознании. Доказано, что к человеку информация поступает двумя путями: (1) *извне* — по чувственно-перцептивным и сенсорно-моторным каналам и (2) *изнутри* — по каналам ментальной репрезентации, где они уже переработаны и интериоризованы нашим сознанием. Поступившие сведения о фактах и событиях в сознании человека подвергается так называемым информационным процессам, под которыми понимаются акты восприятия, передачи, обработки (преобразования) и использования информации. Такого рода процессы могут осуществляться только при наличии двух объектов: (а) источника информации и (б) ее потребителя. Для лингвокогнитивистики важно, что сведения от источника к приемнику передаются материально-энергетическим способом: в речевой коммуникации таковыми выступают *звуковая* и *графическая* формы.

Следовательно, чтобы быть переданным другому человеку, знание непременно должно концептуализироваться в языковые формы. Иными словами, знание должно оформиться в виде вербализованного концепта¹. И в этом формате (в виде концептуальной информации) оно (знание), собственно, и представляет интерес для когнитивной лингвистики, непосредственно занимающейся процессами *языковой обработки* информации и *формирования значений* языковых знаков. Знание как способ существования сознания объективируется и хранится при помощи языковых знаков. При этом следует помнить, что языковые знаки здесь выступают не простыми фиксаторами знания. Образуя знаковую систему, знаки принимают участие в познании не изолированно, а в системе (образуют

знаковую систему). А это значит, что знание, объективируемое знаком, вводится в определенную систему знаний, тем самым подвергаясь обработке, преобразованиям и интерпретации с позиции системного знания. И в этом своем статусе становится *языковым знанием*. **Формой же выражения языкового знания служит языковое значение.**

2. Информация и типы значений. *Если разные сущности (вещи, события, явления) объединены в сознании субъекта скрытой зависимостью, установившейся в реальном мире на основании их природной (естественной) связи, то имеет место значение импликационного типа.* Его содержанием являются *мыслительные импликации* из познаваемого предмета как его информационная функция. **Знаковый тип значения** формируется иным характером связи между предметами мысли: между ними природной зависимости нет. Их объединяет условная намеренная связь с целью возбуждать в нашем сознании нужное знание в отсутствии даже намек на какие-либо импликации. Если сказать проще, в этом случае между предметами мысли природной, то есть безусловно-рефлекторной, связи нет. С точки зрения биопсихического подхода, знаковое значение имеет условно-рефлекторную природу. Это значит, что в сознании субъекта между предметами устанавливается условная (преднамеренная) связь, *за знаком закрепляется определенная кодифицированная мысль, которая, собственно, и составляет сущность знакового значения*².

3. Знаки речи и дискурсивные значения. Дискурс располагает двумя видами информации. К *первому* виду можно отнести ту информацию, которую дискурс получает от языка. Это кодифицированная знаковая информация, носителями которой являются **знаки языка**. *Второй* вид информации производится

самим дискурсом. Это разного рода дополнительная информация, поступающая по всем каналам речемыслительной (дискурсивной) деятельности. Она ситуативна и контекстуальна, поскольку порождается в процессе непосредственного осуществления речевого акта. Ее носители — **знаки речи**. Такую информацию можно назвать *дискурсивной*. Общающиеся получают ее не только от знаков языка, служащих идеальным субстратом общения. Основным ее источником служат импликационные связи, выявляемые между элементами знаковой ситуации, создаваемой дискурсивно-познавательной деятельностью. Она, таким образом, исходит из понимания знаковой ситуации и от осмысления человеком познаваемого в данной ситуации внешнего и внутреннего мира. При этом знак речи выступает, главным образом, как речемыслительное средство, погруженное в импликационные (естественные) связи познаваемого и объективируемого фрагмента мира. Дискурсивные значения (смыслы), основанные на импликационных связях, не только выступают смыслообразующими средствами вербальной коммуникации, но и образуют смысловой ореол значения соответствующих языковых знаков (М. В. Никитин).

Таким образом, дискурсивные значения, или смыслы, заключают в себе (а) и информацию, исходящую от знаков языка, (б) и информацию о познаваемом фрагменте действительности (в ее причинно-следственных, временных и пространственных связях). В принципе языковые и дискурсивные значения (в другой терминосистеме — значения и смыслы) характеризуются не только различительными, но и универсальными свойствами по аналогии с тем, как соотносятся между собой язык и речь³. Они связаны функционально и онтологически. В первом случае языковые значения служат идеальным субстратом для дискурсивных смы-

слов, а последние — для обобщающей эволюционной динамики первых. В свете сказанного *значение* — это не просто информация, а информация об *осознанной* связи между двумя мыслительными объектами, где один объект (им может быть вещь, предмет, явление или событие) актуализирует мысль о другом объекте и информационно на него настраивает наше сознание. (1) Содержание языкового знака, или его семантика, конституируется двумя составляющими: стабильной и вариативной. (2) Стабильная, постоянная часть содержания языкового знака является его *значением*, а вариативная, переменная, динамическая — его *смысловым содержанием*. (3) Проблема значения и смысла имеет прямое отношение к семиозису. Наиболее таинственной при этом справедливо считают саму «технологию» появления знака.

4. Познание и знакообразование. В современной семиотике утвердилась мысль, что начинается процесс возникновения знака со *взаимодействия* познающего субъекта с предметом познания, поскольку значение предмета познания определяется его местом и значимостью в человеческой деятельности.

1. Начальный этап формирования значения связан с *отражением в нашем сознании внешнего события*, которое в соответствующей знаковой ситуации становится выразителем реальных взаимоотношений объекта и субъекта. В языковом знаке результат этого взаимодействия и опыт практической деятельности человека закрепляется за соответствующим звуко сочетанием, которое в знаке становится его означающим. С этого момента звукоряд становится не только обычным средством обозначения предмета, но и средством активизации познавательной деятельности, направленной на кодирование свойств и признаков познаваемого и называемого предмета⁴.

2. Процесс декодирования уже имеющегося в нашем сознании знака осуществляется по несколько иному алгоритму. В этом случае когнитивно-дискурсивная деятельность человека начинается с восприятия знака, затем развивается в противоположном направлении тому, в котором осуществлялся процесс семиозиса. Алгоритм когнитивно-дискурсивной деятельности при восприятии знака, можно сказать, выстраивается по известной уже схеме знакообразования. Однако это наиболее общий способ семиозиса, главным образом, довербальных знаков.

3. По этим же семиотическим законам происходит порождение и языковых знаков. И все же процесс лингвосомиозиса имеет свою специфику, которая обуславливается предназначением языкового знака. В отличие от довербальных знаков, *языковой знак — не только средство обозначения, но и средство обеспечения речемыслительного процесса*. Можно, разумеется, говорить о языковом знаке вообще. Однако важно помнить о специфике языковых знаков разных типов. Конечно же, эталонным для всех типов языковых знаков является словесный знак. Его образование осуществляется по схеме довербального семиозиса: *формирование означаемого предшествует возникновению означающего* — звуковой или графической материи словесного знака. С точки зрения логики, закономерность формирования означаемого такова. *Начальной точкой объективации означаемого служит выделение конкретного объекта из класса ему однородных. Искомый объект получает свое словесное обозначение после того, как превратится в «найденный», «определенный», «понятный».* Это универсальная схема порождения каждого словесного знака.

Понимание и декодирование словесного знака, в общем, повторяет алгоритм его возникновения. Если следовать

ему, то такая методика откроет возможность проникать в сущность взаимодействия структуры означающего и структуры означаемого языкового знака. При этом важно не выпускать из виду, по крайней мере, два момента: (а) что такое взаимодействие определяется диалектикой взаимоотношения объекта познания и субъекта речемыслительной деятельности и (б) что данное взаимодействие опосредовано. Роль такого посредника выполняет внутренняя форма слова (подробнее см. работу Н. Ф. Алефиренко)⁵.

5. Биопсихические механизмы знакообразования. Наиболее популярное в современной науке понимание знака как единства материального и идеального побуждает нас попытаться рассмотреть взаимодействие физиологических и психических факторов семиозиса. Начнем с того, что в нашем сознании внешний мир, с одной стороны, дан как некая объективная и независимая от него реальность, а с другой — представляется в субъективных переживаниях человека в виде образа мира. На первом этапе взаимоотношение человека и среды его обитания воспринимается в единстве. Но позже, по мере осмысления внешнего мира, человек постепенно дистанцируется от него, а затем происходит даже противопоставление человека внешнему миру: человек — субъект отражения этого мира, а внешний мир — объект отражения. Отраженный в сознании человека мир превращается в психический феномен, в образ мира. Это исходная точка семиозиса. Исходная потому, что правильно представляет «положение дел» в его наиболее общих, контурных очертаниях: идеальное — существенная характеристика психического. Однако сам процесс порождения идеального на этом этапе остается неосознанным, своеобразным «черным ящиком». На его входе — внешний мир (причина), на выходе — образ мира (следствие). Что внутри чер-

ного ящика — тайна за семью печатями. Технология создания образа мира во многих своих «узлах» остается неизученной до сих пор. Пока лишь ясно, что душа (= идеальное) пытается возвыситься над телесным (= материальным) миром. Об этом в свое время размышлял Гегель: «В феноменологии душа, посредством отрицания своей телесности, поднимается уже до чистого идеального тождества с собой, становится сознанием, становится «я», в противоположность к своему другому существует для себя»⁶. Для понимания закономерностей лингвосемиозиса это положение важно, подчеркнем, только как точка отсчета в поисках начальной фазы знакообразования, поскольку в дальнейшем более существенным представляется понимание сути *взаимодействия психического и физиологического*, а не их противоположенности. Основополагающим в решении столь непростой задачи служит учение И. П. Павлова об условно-рефлекторной деятельности, поскольку в нем впервые показана сопряженность физиологического и психического. Физиологическое в условном рефлексе проявляется в виде сложного взаимодействия организма со средой: изменения во внешнем мире с закономерной последовательностью вызывают соответствующие изменения в организме. Однако физиологическое в условном рефлексе служит лишь канвой, на которой, как говорил И. П. Павлов, создается «психологический узор»⁷. Психическая природа условнорефлекторной деятельности проявляется в том, что условный рефлекс — одновременно и функция мозга, и отражение действительности. Для знакообразования психический аспект особенно важен, поскольку он открывает путь к пониманию взаимосвязи материального и идеального через важнейший закон психологии — закон а с с о ц и а ц и и. Условный рефлекс, по И. П. Павлову, — один из

частных видов ассоциации. Условный раздражитель — пусть и специфический, но своего рода знак. Центральным механизмом в условно-рефлекторной деятельности выступает «замыкание временных связей». «Замыкание» означает формирование новых временных связей между различными элементами мозга, а «место этой замыкательной способности есть пункты сцепления нейронов»⁸. «Замыкание временных связей» — пожалуй, центральное звено в процессе знакообразования, поскольку здесь происходит превращение индифферентного раздражителя в *значимый, сигнальный*, и с этого момента сигнал становится *з а м е с т и т е л е м* безусловного раздражителя (первопричины познавательной деятельности человека). Предназначение сигнала как условного раздражителя — вызывать «обратную связь», чтобы организм реагировал на сигнал так же, как он реагирует на соответствующий безусловный раздражитель. Именно здесь и происходит рождение в семиозисе идеального. Дело в том, что для того чтобы вызвать «обратную» реакцию, сигнал должен содержать в себе в «снятой», разумеется, форме действие безусловного раздражителя. «Снятая» форма как раз и является формой *идеализации* безусловного раздражителя в сигнале. Такого рода «замыкание временных связей» и «снятие» (идеализация) отражаемого предмета превращают сигналы в знак (сигналы сигналов), поскольку у них появляется важнейшее семиотическое свойство — оказывать *мотивационное* воздействие на психику человека. У него появляется собственно человеческая вторая сигнальная система — словесная, знаковая. Ее возможности — «неограниченные». Словесный знак — единица второй сигнальной системы — кроме безусловно-рефлекторной функции, обретает возможность выполнять индикативную, номинативную, когнитивную,

прагматическую (как средство воздействия) и экспрессивную функции. Достаточно вспомнить прагматические возможности слова в гипнозе!

Представленные рассуждения позволяют с биопсихической точки зрения укрепить билатеральную теорию знака. Уже на начальной (сигнальной) стадии семиозиса знак-сигнал предстает двуликим феноменом, обладающим в бытийном мире (как и все остальные явления действительности) своим собственным лицом, то есть первичной материальной плотью; обратной же стороной медали, связанной с «функциональным бытием» знака, его скрытым ликом выступает значение. Билатеральность знака, как видим, обусловлена единством физиологических и психических механизмов в условно-рефлекторной деятельности человека. Последний штрих в создании динамической картины лингвосомиозиса призван вывести билатеральные категории вербального знака из-под давления биопсихических категорий. Еще С. Л. Рубинштейн признавал, что отождествление понятий «физиологическое», «объективное» и «материальное» создает дополнительные трудно преодолимые противоречия⁹. По его убеждению, эти понятия не взаимозаменяемы. *Физиологическое* — все то, что относится к жизнедеятельности организма. *Объективное* — относящееся к объекту; предметный, реальный мир, не зависимый от природы и интересов субъекта. *Материальное* — вещное, телесное. Для понимания сущности знакообразования важно различать данные категории, но различать в их взаимосвязи. Физиологическое относится к процессам «естественного» знакообразования, объективное — к отражаемой реальной действительности, а материальное — к устройству языкового знака. То же относится и к понятиям «психическое», «субъективное» и «идеальное». *Психическое* — само отношение образа к

отражаемому предмету, и в этом плане в устройстве языкового знака оно противопоставляется физическому, телесному. *Идеальное* — это образ предмета знаково-обозначения, образ мира. *Субъективное* — все то, что относится к объективации в языковом знаке психического состояния субъекта и зависит от него. При этом субъективные категории содержания языкового знака следует отличать от личностных. Субъектом познания на его высшей, обобщающей стадии может выступать этноязыковое сообщество в целом. Последние три категории непосредственно характеризуют «функциональное бытие» знака — его *семантику*, составляющими которой являются смысл и значение знака. *Смысл* — категория субъективно-объективная, поскольку это всегда смысл номинируемого предмета для субъекта. В свете изложенного выше смысл знака развивается в направлении от биологического к сознательному. Такой путь и способ развития смысла обуславливаются формированием значений. По Л. С. Выготскому, «значение есть категория общественного сознания, есть категория принципиально-языковая; значение, следовательно, объективно и устойчиво; оно — отношение предмета не к индивиду, но к коллективу, отражает устойчивое в предмете и устойчивое в общественной потребности субъекта»¹⁰. Смысл открывает путь к значению и заканчивает его: *смысл* — *значение* — *смысл*. Смысл кристаллизуется в себе схемы предметной деятельности, поэтому принадлежит не предмету, а деятельности. На первой стадии формирования значения смысл входит в значение, точнее, в семантическую структуру знака в виде минимальных смысловых элементов — сем.

6. Знаки языка и знаки речи. Согласно теории знака, разработанной А. А. Уфимцевой, «форма знака (означающее) существует в двух его ипоста-

сиях, как все материальное: материальной и идеальной, так как звуковой состав слова обретает форму идеального образа материальной стороны знака»¹¹. Следовательно, согласно этой теории, означающее языкового знака функционирует то как материальный (чувственно воспринимаемый), то как идеальный, недоступный наблюдению феномен. Для теории словесного знака это очень важное наблюдение. Однако оно нуждается в когнитивно-семиологическом обосновании. Выход из столь застойного положения видится в разграничении знаков языка и знаков речи, поскольку именно оно показывает, как сопряжены в них свойства материальности и идеальности.

Действительно, если теориями разграничения единиц языка и единиц речи доказано, что вторые реализуют (объективируют) первые, то было бы вполне логично рассмотреть и наше предположение о диалектическом сосуществовании знаков языка и знаков речи. Знаки языка — идеальные сущности, знаки речи — сущности материальные (физические). Последние материальны в том смысле, что их планом выражения служит звуковая, то есть физическая, субстанция. Однако при этом не следует забывать, что они имеют не только план выражения, но и план содержания, поскольку являются носителями определенного смысла, соотносимого со значением языкового знака¹². Это предполагает диалектическое (противоречивое) взаимодействие знаков языка и знаков речи. Диалектика здесь такова: (1) эталонный знак языка конституирует план выражения речевых знаков, а (2) некоторое множество материальных знаков речи служит материалом для формирования инварианта — образцового эталонного знака. Без знаков языка невозможны знаки речи и, наоборот.

Такой подход создает новый стимул для развития лингвосомиотики, в частности, открывает возможности для созда-

ния в ее рамках когнитивно-семиологической теории знака, включающей его когнитивные, семиотические и прагматические свойства. Без последовательного различения знаков языка и знаков речи философами и психолингвистами не раз подчеркивалось, что знаки в процессе познания выполняют основную для этого процесса функцию — объективируют в сознании человека то, что ему уже каким-то образом известно. В связи с этим утверждается, что знак — прежде всего понятие гносеологическое. Лингвисты акцентируют внимание на коммуникативном предназначении языковых знаков, поскольку они служат средством передачи сообщений. Противоречие снимается разграничением знаков языка и знаков речи. На самом деле, когнитивную функцию выполняют знаки языка, а коммуникативную и прагматическую — знаки речи. Причем функциональное предназначение одного служит условием выполнения «функциональных обязанностей» другого. Действительно, прежде чем сообщение передать определенной комбинаторикой речевых знаков, необходимо при помощи знаков языка обработать, преобразовать и закодировать соответствующую информацию в общественном сознании, превратить ее в знание. При этом репрезентация языковых знаков речевыми — процесс не механический. Дискурсивные задачи, стоящие перед общающимися, требуют дополнительной обработки информации как со стороны ее отправителя, так и со стороны получателя. Речевые знаки располагают для этого необходимым интерпретационным механизмом. Всякая дискурсивная интерпретация языкового знака опирается на опыт, а «знаковость сущности есть функция, аргументом которой является опыт»¹³. Иными словами, словесный знак является одновременно основной когнитивной единицей, которая фиксирует, имплицитно хранит формы

«перевода» фактов внешнего и внутреннего мира в мыслительные категории, то есть в своего рода «упаковки» знания. Тип и характер таких «упаковок» соответствует этапам и уровням познания.

1. Прежде всего, отметим, что план выражения знака языка и знака речи — не одно и то же. Планом выражения знака речи служит некая экспонентная структура, иными словами, реально произносимый и воспринимаемый звуковой или графический комплекс. Планом выражения знака языка выступает акустический (звуковой) образ того звукоряда, который соотносится с предметом именованного.

2. План содержания и языкового, и речевого знака — сущность, разумеется, идеальная. Однако и здесь имеются различия. Если планом содержания знака языка является представление (понятие) о серийном, типовом и обобщенном предмете номинации, то планом содержания знака речи выступает выделенный из того или иного класса, типа, разряда конкретный предмет, о котором идет речь в сообщении. Ср.: 1) *Книга* — источник знаний и 2) «*Дети капитана Гранта*» — моя любимая в детстве *книга*».

3. Основная функция знаков языка — обслуживать отражательные процессы и мыслительную деятельность человека (фиксировать, обобщать, дифференцировать, выделять, интерпретировать получаемую информацию). Основная функция знаков речи — репрезентативная — быть средством манифестации и обозначения нужного в данном акте общения предмета, средством идентификации и узнавания обозначаемых предметов или явлений.

4. Различия в устройстве также обуславливаются идеальным статусом знаков языка и материально-идеальной природой знаков речи. Элементами языкового знака являются обобщенный образ предмета (денотат), сигнификат и акустический об-

раз. Составляющими знака речи выступают их реальные корреляты: предмет номинации, дискурсивный смысл (предметное значение) и экспонентная структура речевого знака (звукоряд).

5. Облигаторным свойством любого знака является его значение. Однако и здесь имеются некоторые различия. Их можно обозначить достаточно банально: значение языкового знака — языковое, а значение знака речи — речевое. Но за банальностью формулировок скрываются существенные различия. Оно — в понимании сущности этих значений. На самом деле, что такое значение языковое и что такое значение речевое? Собственно значением мы называем лишь содержание языкового знака. Речевой знак обладает смысловым содержанием. Значение — стабильная часть семантики знака, связанная с отражением социально значимого опыта данного этно-языкового сообщества. Смысл — категория личностная и поэтому вариативная, переменная часть семантики знака, связанная с дискурсивной интерпретацией и актуализацией одного из аспектов языкового значения. Смысл, таким образом, является контекстуально обусловленной единицей семантики (контекст при этом может быть речевым, ситуативным — подробнее см. указанную работу Алефиренко Н. Ф., 2005. С. 69).

6. Благодаря наличию в языковом знаке интерпретанты, он, как правило, многозначен. Полисемия — универсальное свойство знаков языка, поэтому для актуализации нужного в данном речевом акте лексико-семантического варианта необходим соответствующий контекст. Речевые знаки всегда однозначны, поскольку лишены множественных интерпретаций.

7. Знаки языка и знаки речи связаны и генетическими различиями: языковые знаки первичны, поскольку ими обладают люди непреднамеренно, естественным

путем, речевые знаки вторичны, поскольку создаются на базе знаков языка и светят, так сказать, «отраженным светом»¹⁴. Что же касается свойства замещать, то если знаки языка являются заместителями предметов, то знаки речи — не только замещают в нашем сознании номинируемые предметы, но и соотносимые с ними знаки языка. Без языковых знаков не может состояться актуализация знаний в мышлении. Без знаков речи немислимо общение, если под таковым понимать кодирование и декодирование информации. Да и сама «память сознания», «кладовая знаний», хранение знаний в сознании невозможны без участия языковых знаков. Это объясняется тем, что процесс накопления и упорядочения знаний, сведения их в такие когнитивные структуры, которые, собственно, и обеспечивают их хранение в общественном сознании. Такими структурами являются разного рода концепты, объективируемые языковыми знаками и их речевыми коррелятами. Именно когнитивные структуры для своей объективации стимулируют процессы «свертывания» речи, ее превращения во внутреннюю, а затем в «потенциальную» речь, что, в конечном итоге, индуцирует образование языковых знаков.

Значимость языковых знаков для нашего сознания определяется, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, тем, что в процессе знакообразования происходит накопление и обновление концептов. Во-вторых, тем, что языковые знаки снабжают механизмы сознания семиотическими средствами элементарного мышления. Как видим, это двусторонний процесс. «Развертывания» элементов сознания и «свертывания» продуктов речи без знаковой системы не осуществимы. Развитие речемыслительной деятельности не только создает внешние семиотические структуры для репрезентации мыслительного содержания, но в единстве с процессами выработки и

упорядочения знаний стимулирует возникновение необходимых промежуточных звеньев и механизмов (так называемые «внутреннюю» и «потенциальную» речь), без которых немислимо не только общение, обмен мыслями, но и само сознание.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Значение языкового знака формируется в соответствии с необходимостью языка (как семиотической системы) выполнять свое когнитивно-коммуникативное предназначение. Первый камень в фундамент значения языкового знака кладется в связи с индикацией (дейктическая функция), второй — в связи с номинацией (предметной отнесенностью), все последующие выстраивают когнитивно-прагматический фасад, обращенный к внешнему и внутреннему миру человека — к его сознанию. По образному определению Л. С. Выготского, «сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле воды». И далее: «Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания»¹⁵.

2. Когнитивно-прагматическая функция языка закладывает в значение языкового знака денотативные, сигнификативные и коннотативные смыслы. Истинным знаком слово становится лишь тогда, когда завершаются, по крайней мере, два знакообразующих процесса: (а) когда интериоризация (вращивание) предметного смысла приводит к полной эмансипации словесного знака от номинируемого предмета и к формированию значения; (б) когда происходит высвобождение значения из словесного плена во внутренней речи. Таков путь формирования значения языкового знака.

3. Значение языкового знака как форма «идеального присвоения» человеком его предметной деятельности — сущность операциональная, служащая смысловому обогащению означаемого знака. Смысл, таким образом, интенционален. Признаки операциональности / интенциональности отражают суть сопоставляемых категорий: смысл — интенция мышления, а значение операционально, поскольку операция — результат знания, которое существует в форме значений.

4. Смысловые приращения языкового знака связаны с субъектом познания (как с индивидуумом, так и с этнокультурным сообществом в целом), с его отношением к значению и с этноязыковыми особенностями дискурсивного мышления. Немаловажную роль при этом играют чувства и эмоции. Опираясь на исследования многих поколений отечественных психологов, можно сказать, что чувства для смысла — то же, что понятия для значений. На этом этапе семиозиса происходит раздвоение в едином знакообразовательном процессе: в связи с необходимостью объективации значения и смысла возникают языковые и речевые знаки. При этом следует особо подчеркнуть: взаимодействие значения и смысла представляет собой не простое «переливание» социально обусловленных значений в личностные смыслы субъекта познания и наоборот. Этот процесс поистине диалектичен: а) в дискурсивной деятельности общественно выработанные (и поэтому объективные) значения обогащаются уникальными субъективными смыслами; б) в том же речемыслительном акте личностный смысл, входя в значение, возвышается до объективного и общественного. В первом случае языковое мышление нуждается в знаках языка, а во втором, уже речемыслительная деятельность, — в знаках речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Langacker R. W. Concept, Image and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar / R. W. Langacker — Berlin; N. Y., 1991. P. 28–33.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

² *Никитин, М. В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. С. 27.

³ *Ельмслев Л.* Язык и речь // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 2. С. 52–136.

⁴ *Herrmann Th.* Über begriffliche Schwächen kognitiver Kognitionstheorien: Begriffsinflation und Akteur-System-Kontamination // *Sprache, Kognition.* 1982. № 2. P. 12–26.

⁵ *Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики. М., 2005. С. 128.

⁶ *Гегель.* Сочинения. М., 1956. Т. 3. С. 54.

⁷ *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 3, кн. 2. С. 152.

⁸ Там же. С. 362.

⁹ *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 41.

¹⁰ *Леонтьев А. Н.* Философия психологии. Из научного наследия. М., 1994. С. 41.

¹¹ *Уфимцева А. А.* Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. М., 1986. С. 52.

¹² *Алефиренко Н. Ф.* Указ. изд. С. 69.

¹³ *Кравченко А. В.* Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001. С. 85.

¹⁴ *Шафр А.* Введение в семантику. М., 1963. С. 201.

¹⁵ *Выготский Л. С.* Мышление и речь // *Собр. соч.:* В 6 т. М., 1982. Т. 2. С. 17.